

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	21
ВВЕДЕНИЕ	49

КНИГА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ

Глава I. Итальянцы.....	71
Глава II. Ганзейцы	77
Глава III. Нидерландцы	87
Глава IV. Англичане	93
Глава V. Испанцы и португальцы	110
Глава VI. Французы	117
Глава VII. Немцы	123
Глава VIII. Русские	133
Глава IX. Североамериканцы	140
Глава X. Уроки истории	150

КНИГА ВТОРАЯ. ТЕОРИЯ

Глава XI. Политическая и космополитическая экономия	161
Глава XII. Теория производительных сил и теория ценностей	171
Глава XIII. Национальное разделение труда и ассоциация производительных сил страны	183
Глава XIV. Частная экономия и политическая экономия.....	193
Глава XV. Национальность и экономия наций.....	202
Глава XVI. Народная государственная экономия, политическая и национальная экономия	218
Глава XVII. Фабрично-заводская промышленность и личные социальные и политические национальные производительные силы	220
Глава XVIII. Фабрично-заводская промышленность и естественные производительные силы нации	229
Глава XIX. Фабрично-заводская промышленность и инструментальные силы, или материальные капиталы страны..	240

Глава XX. Фабрично-заводская промышленность и земельные интересы	248
Глава XXI. Фабрично-заводская промышленность и торговля	266
Глава XXII. Фабрично-заводская промышленность, торговое мореходство, морские силы и колонизация	273
Глава XXIII. Фабрично-заводская промышленность и орудия денежного обращения	275
Глава XXIV. Фабрично-заводская промышленность и принцип самосохранения прогресса	292
Глава XXV. Мануфактурная промышленность и средства, возбуждающие производство и потребление	298
Глава XXVI. Таможни, как главное средство для насаждения и упрочнения внутренней фабрично-заводской промышленности .	302
Глава XXVII. Таможни и господствующая экономическая школа	308

КНИГА ТРЕТЬЯ. СИСТЕМЫ

Глава XXVIII. Итальянские экономисты	319
Глава XXIX. Промышленная система (ошибочно названная меркантильной школой)	324
Глава XXX. Школа физиократов, или система земледелия	328
Глава XXXI. Система меновых ценностей (которую школа ошибочно называет промышленной системой)	331
Глава XXXII. Система меновых ценностей (продолжение)	334

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОЛИТИКА

Глава XXXIII. Островное господство и континентальные государства — Северная Америка и Франция	345
Глава XXXIV. Островное господство и германский торговый союз ...	360
Глава XXXV. Континентальная политика	375
Глава XXXVI. Торговая политика Германского таможенного союза ...	386

ПРИЛОЖЕНИЯ	395
Рецензия в «Русском вестнике»	397
Рецензия в «Северном вестнике»	405
<i>Л. С[лонимский].</i> Рецензия в «Вестнике Европы»	410
<i>Б. Калиновский.</i> Критический разбор сочинения Листа	417

Вступление

Не надобно вести людей путем крайним.

Екатерина Великая

Голод, самый сильный в мире стимул, дал в Англии, стране мануфактурно-коммерческой, победу принципам свободы торговли и привел к уничтожению протекционной системы. Чудовищный голод, ныне нами переживаемый, даст России, стране земледельческой, но вкусившей уже европейской культуры, при помощи которой весь ее экономический строй подвергся огромной перемене, — решительную победу принципам протекционной системы. Когда же, благодаря упрочнению восстанавливаемой нынешним министром финансов действительной протекционной системы, а не мнимой, которую рекомендовали наши фритредеры, Россия возвысится на степень самого могущественного земледельческо-мануфактурно-коммерческого государства, следовательно, независимого от внешних влияний, то она придет к тому же, к чему пришла Англия, т.е. к победе принципов свободы таможенных пошлин. Вот к какому заключению придет русский читатель, познакомившись с «Национальной системой политической экономии» Фр. Листа.

Россия является каким-то новым миром, который в конце XIX столетия, находясь в составе цивилизованных наций Европы, будучи всесторонне ознакомлен с классической (космополитической) системой политической экономии и разными школами экономической науки, равно с многочисленными их фракциями, не исключая и демагогических, смело скажем: не имеет ни малейшего понятия и цельной национальной системе политической экономии, создателем которой был Фридрих Лист, профессор политических наук в Тюбингене и доктор прав Йенского университета, всемирно известный самостоятельный экономист и двигатель науки. Между тем не только ученые труды Фр. Листа, но и сам он, в качестве политического, ученого, дипломатического, практического общественного деятеля и депутата германского парламента, известен был при жизни своей в высших государственных, ученых и общественных сферах всей Германии, Австрии, Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, где он лично принимал участие в ученой экономической литературе. Сочинения его, после его кончины, выдержали на немецком языке несколько изданий и появились впоследствии в переводах на французский язык в Париже в двух изданиях, кроме того, в переводе на английский язык — в Филадельфии. К сожалению, «Национальная система политической экономии» Фр. Листа, имеющая всемирную известность, не только не была

переведена до настоящего момента на русский язык, и, следовательно, неизвестна русскому образованному обществу, но даже весьма мало известна большей части наших ученых-экономистов.

Фр. Лист был пророком настоящего величия Германии, созданной князем Бисмарком по началам его учения. Все что делал князь Бисмарк для Германии, было замечательно точно указано Листом, а чего он не делал для Германии и что разрушительно отзывалось на России, а именно применение к последней отживших свой век, односторонних или ложных экономических доктрин, то германский канцлер обязательно старался, через посредство своих *Gelehrter*¹, внушить нашим влиятельным ученым экономистам, а чрез их посредство и нашим видным государственным и общественным деятелем. В данном случае князь Бисмарк стремился применить к России, в видах обессиления ее производительных сил, тот же самый экономический эксперимент, какой в первую половину текущего столетия Англия применяла в тех же эгоистических побуждениях сначала к Франции, а потом к Германии.

Против такой эксплуатации Германии со стороны дружественной державы и выступил в свое время Лист со всею энергиею гениального человека, оставив в наследие потомству великое творение, как результат борьбы целой его жизни с превратными экономическими учениями, которые считались последним словом науки и до него назывались «аксиомами, которые также безусловно верны и всеобщы, как положения астрономии», а все, несогласное со Смитом-Рикардовским экономическим направлением признавалось вздорною ересью. Судя по печатным отзывам, «Национальная система политической экономии» Фр. Листа была одной из настольных книг князя Бисмарка. Основательное знакомство с этим сочинением в полном виде и в перевод на русский язык составляет, без малейшего сомнения, в особенности в настоящее время коренных у нас экономических реформ и чудовищного голода, как прямого следствия господства в течение десятков лет экономических заблуждений, настоятельную необходимость для всякого образованного русского человека.

Учения Фр. Листа составили эпоху не только в научной, но и практической жизни Германии и Соединенных Штатов, и были путеводной звездой, приведшей финансы, сельское хозяйство, промышленность и торговлю в этих государствах в цветущее положение.

Лучшие ученые-экономисты всех экономических школ признают, что «Национальная система» доктора Фр. Листа есть произведение самое замечательное в нынешнем столетии по вопросу о международной торговле и может быть рассматриваема «как самое высшее научное выражение

¹ Ученых (нем.). — Прим. ред.

протекционной системы». Не мудрено, что после его смерти, в качестве творца политической и экономической эмансипации своей родины, он был зачислен в ряды тех великих умов, которые составляют гордость нации и отмечают в истории новую эру. Дело дошло до того, что его начали сравнивать с Лютером. С людьми, подобными Листу, обыкновенно оправдывается поговорка: *divus dum ne sit vivus*¹.

«Национальная система» Листа является для теории Адама Смита — теории, которая десятки лет считалась «политической математикой», а в действительности была ни чем иным, как отрицанием таможенного покровительства, — решительным, всесторонним и окончательным опровержением. Последователи либеральной экономической школы повсюду явились с энергическими протестами против его учений, по их мнению, чуть не революционных.

На самом деле «Национальная система» Листа представляет собою лишь основы для примирения того и другого принципа, осуждая только абсолютное преобладание принципа *laissez faire, laissez passer*². Лист вовсе не выступает, подобно протекционистам *quand meme*³, с антилиберальными и ретроградными доктринами. Его доводы отличаются настолько же мудростью государственной реформы, насколько и сопротивлением неосторожным и безрассудным нововведениям.

Прочитавши сочинение Фр. Листа с тем вниманием, которого оно заслуживает, всякий придет к убеждению, что имеет перед глазами свободу торговли, как великую цель. Различие между учениями классической политической экономии, которую Лист называет «школою Адама Смита», и учениями национальной экономии заключается в том, что идея первой — будущее, идея второй — настоящее. Философия — далекое будущее; политика — настоящее со всеми ее нуждами и потребностями. Таможенные ограничения, говорит Лист — средство, а свобода — цель. Лист не противопоставляет одну идею другой, не устанавливает между ними антагонизм, а указывает, каким образом идеи эти примиряются.

Известный государственный человек и германский мыслитель, творец науки о финансах, Лоренц Штейн говорит, применяясь к точке зрения Листа, что «протекционизм и свобода торговли составляют противоположности, которые, развиваясь диалектически, находят примеряющий синтез в охранительной таможенной пошлине для вполне обработанных произведений». Даже известный экономист Дж. С. Милль признает, что

¹ Пусть будет божественным, лишь бы не был живым (*лат.*). — *Прим. ред.*

² Позволяйте делать, позволяйте двигаться (*фр.*). Максима, предписывающая невмешательство государства в экономику. Первая ее часть обозначает свободу предпринимательства, вторая — свободу торговли. — *Прим. ред.*

³ Вопреки всему (*фр.*). — *Прим. ред.*

«покровительственные пошлины с целью пробуждения новой отрасли промышленности оправдываются как временный эксперимент».

И Лист не считает, что протекционизм полезен для народов во всех стадиях его развития, а также для всех без исключения стран. Он является необходимым только тогда, когда экономическое, интеллектуальное и политическое воспитание земледельческой страны, под влиянием свободы торговли, достигло фабрично-заводских изделий и недостаток рынков препятствует дальнейшему развитию ее до степени земледельческо-мануфактурно-коммерческого государства.

К «Национальной системе» Фр. Листа отнесутся с предвзятою неверной идеей, если захотят увидеть в ней монографию, широкую монографию по обширному вопросу о международной торговле. Заслуга Листа заключается не в одном только опровержении доктрин космополитической системы политической экономии о неограниченной свободе торговли. Он говорит и о других частях экономической науки, которые имеют связь с этим вопросом, и говорит и них с тою же силою жизненной правды и оригинальности, которыми дышит все его знаменитое сочинение.

Лист рельефно выставляет идею национальности, которую пренебрегли его предшественники. Они выбросили из своих учений, как негодную ветошь, национальности, с их интересами и особенными условиями, и не хотели согласовать их с идеалами всего человечества. Они не хотели знать и самого человечества, как оно ныне существует с нациями, неравномерно развитыми и недостаточно цивилизованными.

Лист находит тесную связь между явлениями экономическими и явлениями политическими, между которыми отвлеченная экономическая теория видела целую бездну. Как будто не дело правительства и его политики возбудить, увеличить, поддержать и обеспечить производительные силы нации в выгодах ее цивилизации, благосостояния, устойчивости и независимости!

Лист доказывает с историей всех стран и народов в руках, что земледелие находится в теснейшей связи с национальной фабрично-заводской промышленностью и что оно не может достигнуть значительного совершенства при слабом развитии этой последней. Классическая политическая экономия полна заблуждений, когда противопоставляет интересы земледельческие интересам мануфактурным, тогда как на самом деле преуспевание земледелия возможно только при цветущей фабрично-заводской промышленности.

Лист утверждает, что действительное богатство нации заключается не в массе меновых ценностей, а вообще в степени развития производительных сил и в частности умственных и нравственных сил.

Он с необыкновенным успехом подвергает критике учения Ад. Смита и Ж. Б. Сэя, поскольку они касались доктрины о разделении труда и тео-

рии ценностей. Ж. Б. Сэй, а за ним и либеральная экономическая школа доказывали, что религия, христианская нравственность и законы не могут создавать богатства, а на это Лист отвечает «конечно, они не могут их создавать, но они создают производительные силы, которые гораздо важные богатства или обладания меновыми ценностями».

Политическая экономия, говорит Лист, основывается на философии, политике и истории.

Словом, сочинение Листа, при всех его некоторых недостатках, о которых он сам свидетельствует в своем введении, является научным трудом наиболее оригинальным и драгоценным, которое когда-либо Германия давала в этом роде. Эта оригинальность в связи с шириною взгляда, глубиною знания, силою диалектики и воодушевления и блеском стиля дает особенную живучесть этому произведению великого ума.

Живучесть идей Листа обеспечивается тем, что в ней изложены жизненная правда, а старая истина — вечная истина.

Вследствие этого нет, конечно, у Листа недостатка в защитниках его учений и в последователях их и его единомышленниках в государственных, ученых и общественных сферах всего образованного мира. Гр. Канкрин, Тьер, Л. Штейн, кн. Бисмарк, И. А. Вышнеградский; американские ученые экономисты Кэри, Пестин, Смит и Роберт Томпсон, давший наибольшее развитие учениям Фр. Листа, и Колвелл (под редакцию которого сделан перевод сочинений Листа на английский язык); германские известные экономисты Рошер, Книс, Гильдебранд, Шеффле; русские профессора политической экономии А. Антонович, И. Тарасов, И. Кауфман, равно М. Н. Катков и С. Ю. Витте (первый познакомивший недавно русское общество, хотя и в небольшой брошюре, с жизнью и сочинениями Фр. Листа); французские экономисты Казо, Лестибудуа, Димесниль-Мариньи, Ришело (под редакцию которого переведено сочинение Листа на французский язык) — все эти или великие умы или известные люди науки, вместе с Фр. Листом, не были солидарны с тремя эфемерными и фальшивыми доктринами экономистов-классиков или выставляли на вид эту фальшь и эфемерность, а именно: космополитизм, индивидуализм и материализм.

Теория Фр. Листа, служащая путеводительницей германской политики и в короткое время поднявшая Германию в политическом и экономическом отношении на невероятную высоту, должна быть принята к руководству всеми нациями и их правительствами, а в том числе и Россиею, если она не желает снова подпасть под английское, германское и иное какое-нибудь чужеземное экономическое влияние.

Впрочем, это могло быть весьма легко в прежнее время, когда наши экономисты дружно ударились в фальсификацию науки, в пропаганду

всяческих экономических и социальных утопий чужеземной фабрикации. Ныне наши экономисты фритредеры или утописты поняты и оценены по достоинству.

Голос их замолок. Но, *le roi est mort, vive le roi!*¹

Явились заместители их на поприще философии, пропагандирующие атеистический реализм германских философов, повергая, таким образом, жизнь массы русского общества в мертвящий формализм, из которого исчезает христианская идея. Пропаганда эта, отличаясь бездушным направлением, порождает умственное брожение и ведет быстрыми шагами русское общество к отупению, производя в то же время великое множество атеистов.

Между тем в философских убеждениях образованного мира, как известно, совершился также переворот, который должен иметь большое влияние на развитие экономической науки. Но, демократизация у нас при помощи газет односторонней философской мысли, порождающей смуту в умах и разврат в сердцах, философских мудрствований, идущих вразрез с действующей у нас в последние годы экономической политикой, для упрочнения которой принимаются самые энергичные меры, может иметь самое губительное влияние на финансы и народное хозяйство.

Как далекий ураган, сломивший на месте своего зарождения все преграды, отражается в самых далеких местностях неожиданной переменой воздуха, точно так же умственное движение и научное направление, переменяя совершенно характер и склад мысли руководящих сфер в печати в сторону неверия, химер и утопий, волнами разливается в обществе, захватывая людей из высших и средних его классов, а также отчасти и из народных масс, которые совершенно ей непричастны.

Деятельная пропаганда ложных экономических и социальных учений и систем за последние тридцать лет имела последствием Высочайшее повеление от 5 января 1884 г., на основании которого с того времени несколько ограничено обращение в обществе органов этой пропаганды. Воспрещено допускать в обращение, хотя только в публичных библиотеках и общественных читальнях, 125 отдельных сочинений и переводов и 850 выпусков ежемесячных журналов, а всего в количестве одной тысячи книжных изданий, составляющих в сложности около трех миллионов экземпляров. *Excusez du peu!*²

В числе этих изданий оказываются главным образом переводы иностранных авторов по вопросам экономическим, социальным и философским, а именно: Адама Смита («О богатстве народов» и «Теория нравственных чувств»), Прудона, Лассаля, К. Маркса, Спенсера, Дж. С. Милля,

¹ Король умер, да здравствует король! (фр.) — *Прим. ред.*

² Только-то! (фр.) — *Прим. ред.*

Луиса, Огюст-Конта, К. Фогта, Моллешота, Бюхнера, Луи Блана и т.д.; равно русских авторов: Бибилова, де Роберти, Михайлова, Шелгунова, Чернышевского, Суворина и др.

В настоящее время умами русского общества овладела наша больная, одряхлевшая и разочарованная ежедневная печать, книжки и фарисеи, лицемеры. Это — «слепые вожди слепых, а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». В самом деле, в прессе нашей мы встречаем ныне неустанную популяризацию учений атеистического реализма или китайского материализма с Шопенгауэром и его последователем гр. Л. Толстым во главе, перетолковывающих Христово учение по-своему и отвергающих идеалистическую мораль, построенную на идее долга. Они проводят китайский буддизм, ничего общего не имеющий с евангельским идеализмом. Поистине — это яд, с которым можно познакомить лишь немногих.

Такая демократизация односторонних философских доктрин направлена к тому, чтобы уверить русское общество и высшие его сферы, что между верою и знанием союз расторгнут.

Странно, что никто не замечает здесь плутни, скрывающейся в разделении веры и знания, — плутни, в которой в конце концов провозглашается чувственность — единственным источником знания, мир вещественный — единственной реальностью, теория свободы торговли — единственным источником народного богатства, материализм, отвергающий Бога, — обладателем всякого ведения и знания! На самом деле вера является источником и органом всякого знания; а в философских вопросах противоположность может быть только между верою и неверием, но не может быть противоположности между верою и знанием, о котором не может быть и речи, так как всеобщую обязательную силу имеет положение: кто ни во что не верит, тот ничего не знает.

Между тем экономическое развитие общества всегда идет рядом с его умственным и нравственным движением и столько же от него зависит, сколько и от духовных способностей нации. Пропаганда у нас в прошедшее царствование односторонних и ложных экономических учений и превратных философских доктрин шла рядом с финансовым расстройством, разорением сельского хозяйства, с периодически повторяющимися голодовками, с промышленными торговыми и финансовыми кризисами, окончательно расстроившими денежную систему. Куда приведет нас пропаганда неверия и буддийских мировоззрений — это дело будущего. Но никто не может принести огромный вред возрождающимся хорошим финансам и здоровой экономической политике.

Экономическая наука не обладает, и никогда не будет обладать секретом построить финансовую систему и экономическую политику на иных основаниях, как на началах христианской нравственности, точно так же

как медицина никогда не откроет секрета обеспечивать человеку пользование хорошим здоровьем, невзирая на дурную жизненную обстановку.

В прошедшее царствование в нашей литературе получил господство пантеистический натурализм — нагой, без иллюзий, словом атеизм без фраз, а ныне преобладает пантеистической натурализм экзальтированный, старающийся обмануть самого себя. Последним натурализмом был заражен наш известный ученый-натуралист, попечитель учебного округа, покойный Пирогов, который в своих посмертных записках говорит, как из пантеиста сделался верующим христианином и пришел, между прочим, к следующему заключению: «Подлец в моих глазах перед Богом и перед собою тот, кто, отвергнув все идеалы веры и став в ряды атеизма, в беде изменяет на время свои убеждения, а всего хуже, если делает еще тайком, а убеждения, свои разглашает открыто. А таких господ немало. К ним принадлежал некогда и я сам, пока не познакомился с собой хорошенько. Да, трудно простить себе такую подлость, хотя бы временную и невольную!»

Родоначальником пессимистического пантеизма является немецкий мыслитель Шопенгауер; его доктрина построена на религии Конфуция, т.е. на началах резко реалистических и откровенно материалистических. Граф Лев Толстой, русский человек, обладающий высокой степенью европейского образования, заражен тем же пессимизмом, так как для пояснения своего философского мировоззрения называет Будду, Конфуция и Зороастра. Отождествляя свои мировоззрения с буддизмом, они становятся двигателями народных страстей и источником общественной опасности.

Шопенгауер свое основное начало называет не Богом, а «Волею». Из переписки Шопенгауера с его друзьями видно, что во Франкфурте, где он неутомимо сосредоточенно отдавался своим занятиям философией, в его кабинете, на столе перед ним находилась статуя Будды, и он обыкновенно в беседах с друзьями, указывая на нее, говорил: «Вот Бог!» Цинизм его доктрин будет совершенно понятен, если прибавить, что Шопенгауер мечтал о гаремах для ученых людей и о введении многоженства... Учения этого мечтателя, психическая ненормальность которого бросается в глаза, встречает систематическую апологию в наших наиболее распространенных органах печати. Не далее как в настоящий момент, когда мы пишем эти строки, горячие апологеты Шопенгауера, философы «Нового Времени», в тысячный раз повторяют, что «Шопенгауер — гений века», «истинный поработитель нашей эпохи». «Наша эпоха всевозможных удручений как нельзя более благоприятна для Шопенгауера. Его любят, в него верят, с ним носятся. Это буквально то самое, что было в свое время с Боклем, Спенсером и др. Он — модный мыслитель». «Молодежь именно этим учением живет, считает его правдой жизни и ничего другого знать не хочет» («Новое Время», № 5605 от 6 октября 1891 г.).

Буддийское мировоззрение Шопенгауера дает горький и наглядный урок тем, которые вне христианства ищут основ для обновления умственной и экономической жизни человечества, а мертвый сон Китая и Индии наглядно показывает результат этих древневосточных мировоззрений.

Но доказан ли пессимистический пантеизм Шопенгауера? Учение гр. Л. Толстого есть ли истина?

Если все эти философские системы, пропагандируемые у нас ныне на просторе, ошибочны или злонамеренны, если руководящие идеи их авторов логичны, но не нравственны, если они стремятся подкопаться под слово Божие, а доказать это не трудно, то какую цену они могут иметь в глазах непредубежденного русского государственного человека или экономиста?

Вообще главный софизм приведенных выше модных у нас философских учений заключается в мнении, что всякому образованному человеку предстоит или отказаться от употребления собственного разума, если он хочет оставаться при вере, или отказаться от веры, если он хочет называться мыслящим человеком. Иными словами: лозунг современных нам моралистов: «Гоните Христа и его учение!».

Поэтому не пора ли нашим здравомыслящим экономистам и моралистам приняться за улучшение у нас репутации экономической науки и тесно связанных с нею философских систем и снять с них *mauvais odeur*¹ — этот мрак, безбожие и что-то искусственное и напускное, которое окружает эти отрасли знания, имеющие громадное влияние на умственное, моральное и экономическое развитие русской народности, цивилизации и государственного могущества.

Laissez faire и Адам Смит, Адам Смит и *laissez faire*, Будда-бог и Шопенгауер, Шопенгауер и Будда-бог, не пора ли уж им убраться из нашей компании? Нельзя ли допустить, что они уже достаточно исполнили свою миссию и что теперь могли бы удалиться?

В самом деле, человеческая душа есть бесконечно ценное в себе, перед чем бледнеет значение всех других вещей. Христос сказал: «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?». А наши моралисты вредят именно душе русского человека. Все человеческие деяния, а в том числе и народное хозяйство, имеют цель, а христианская нравственность обнимает все цели жизни. Без проникновения ею государственных и общественных сфер невозможно обосновать экономический прогресс на промышленном возрождении, на котором построена вся национальная система Листа, которая дает научное освещение ныне действующей у нас экономической политики.

¹ Дурной аромат (фр.). — Прим. ред.

Но как назвать наших экономистов, которые погрешили запомнить существование национальной системы политической экономии Фр. Листа? Не очевидно ли, что они обладают высоким доверием только к односторонним учениям Адама Смита и к собственным отсюда проистекающим личным умозрениям? Не очевидно ли, что свои рецепты от экономических у нас зол, ими же созданных, они почерпнули из учений экономистов враждебных Листу? Они продолжают утверждать, что теория свободы торговли при всех обстоятельствах есть наивыгоднейшая, тогда как доверие к абсолютному значению этой теории в основании поколеблено еще Фр. Листом, вследствие того оказалось, что в экономической науке все относительно и только относительное абсолютно. Они не хотели слышать упреков, относившихся к их бездействию, праздномыслию и к тому, что изучать и преподавать экономическую науку было для них очень легко, если как они полагают, она заключается в отвлеченностях, а не основана на фактах, на истории, статистике, политике и философии.

О существовании кризиса в политической экономии возымел смелость во всеуслышание провозгласить у нас несколько лет тому назад московский профессор Янжул, в своем сочинении «Английская свободная торговля»: «Всякое лицо, говорит он, даже поверхностно знакомое с историей науки, знает, что политическая экономия в настоящее время переживает весьма серьезный кризис. Вера во многие, наиболее существенные положения и принципы той науки, как они были установлены в конце прошлого — начале нынешнего века ее первыми основателями, вера эта является в значительной степени подорванной или поколебленной: и в тоже время новые принципы, новые законы, которые могли бы заменить собою старые, потерявшие общее доверие, еще не созданы и пребывают *in spe*¹».

Судя по этому отзыву г. Янжула, можно полагать, что не только поколеблены самые существенные положения Смитовского направления, но не существует ныне политической экономии, как науки. Но ничего подобного нет. Это последнее направление действительно дискредитовано, но не теперь, а чуть не полстолетия тому назад Фр. Листом, который и противопоставил положениям и выводам А. Смита и Ж. Б. Сэя абстрактного характера, чуждым наблюдений действительности экономической жизни различных наций, — положения и выводы, основанные на истории народов, словом на фактах, и начертал национальную систему политической экономии. Эта система и получила в последнее время значение в государственной практике всех стран под влиянием разных перипетий в хозяйственной жизни различных народов.

¹ В надежде (лат.). — Прим. ред.

Следовательно, поколеблено и подорвано смито-рикардовское направление, но отсюда еще далеко до отрицания научного значения политической экономии. Лист, критикуя космополитическую систему политической экономии Ад. Смита и Ж. Б. Сэя, равно их предшественников и последователей, касается лишь национальных и международных отношений и оставляет в покое их значение по отношению к разработке подчиненных вопросов. Ясно, что идеи и дедукции известного автора, касающаяся отдельных частей науки, могут быть замечательными, и в то же время основание его системы может быть вполне ошибочно.

Г. Янжул не привел в подтверждение своих доводов, доказательств, иначе он убедился бы, что со словом наука невозможно связать определенно понятия, а причина этого заключается в непрерывности развития знания. Точно так же и гр. Л. Толстой, называя свой принцип не Богом, а «Разумом», отрицающим жизнь, не принял во внимание того, что если бы рассудку, само по себе была присуща истина, то истина наравне с рассудком должна была бы общим достоянием всех людей, — тогда не могло бы возникнуть никаких споров о том, что истинно и что ложно, что разумно и что неразумно. Однако же этому противоречит непрерывный опыт. Разум или *logos*, мудрость, слово, как называет его гр. Л. Толстой терминами давно известными, не может быть определяем, ибо он сам служит для определения всего остального.

Признание науки политической экономии за *Nichts*¹ — это ересь, а умственная автономия гр. Л. Толстого — это дело дьявола!

Вот к какому кульминационному пункту заблуждений может повести односторонность направления экономической и философской мысли, когда ударяются в крайности. «Не надобно вести людей путем крайним».

Дай Бог, чтобы замечательный труд Фр. Листа, который мы предлагаем здесь в переводе на русский язык, произвел отрезвляющее влияние на наших экономистов, моралистов и публицистов на тот конец, чтобы при помощи их Россия могла выйти из-под экономической зависимости чужеземцев, восстановить и увеличить свои умственные, нравственные и физические производительные силы упрочить свое могущество на незыблемых основаниях, как это сделали опередившие нас нации, благодаря применению к своей политике учений Фридриха Листа. Благодаря этим учениям, заговорили о кризисе в политической экономии в то именно время, как этот кризис, вследствие применения учений Фр. Листа к государственной практике всех великих наций, знаменовал собою решительный прогресс в экономической науке.

Хроническое расстройство русского сельского хозяйства, которое министерство государственных имуществ неверно вызывало кризисом,

¹ Ничто (нем.). — Прим. ред.

и ныне переживаемый во многих областях России страшный голод, или действительный земледельческий кризис, суть прямые и неизбежные последствия пропаганды в течение десятков лет и применения у нас к жизни односторонних или ложных экономических доктрин, от которых, как от чумы, отшатнулись все цивилизованные государства, где даже в самые неурожайные годы не бывает ничего подобного тем ужасающим проявлением голодовок, которые периодически переживает Россия, и быть не может, вследствие достигнутой ими экономической независимости и положения одновременно земледельческо-мануфактурно-коммерческих наций.

Призвание к широкому развитию, рядом с земледелием, фабрично-заводской промышленности, находящейся у нас еще только в зародыше, имеют все страны, конечно, умеренного пояса, если только материальные, умственные, политические и социальные условия на их стороне. Верхом насмешки является у нас проповедь ныне в органах печати того, что Россия может достигнуть богатства, благосостояния, независимости и могущества, — оставаясь исключительно страной земледельческой. Пусть прочитают наши фритредеры и публицисты предлагаемое сочинение Фр. Листа, конечно от первой до последней главы, тогда они поймут свою сугубую, или, вернее сказать, трегубую скудость: экономических знаний, опыта и идей.

Не учреждение министерства земледелия спасает Россию от сельскохозяйственных периодических кризисов и голодовок, а полное единомыслие и солидарность в действиях всех органов государственного управления в направлении народного хозяйства по тому пути которого держится в течение последних пяти лет наше министерство финансов, сопровождаемое горячим сочувствием и огромным доверием не только всей благомыслящей России, но и всего образованного мира. Отсюда понятно, почему число сторонников действующей у нас ныне национальной системы экономической политики быстро увеличивается, а число сторонников космополитической системы также быстро уменьшается.

В общественном сознании выяснится и сама цель, к которой стремится действующая ныне финансовая и экономическая политика, та разумная национальная идея, которая лежит в ее основании и которая всех нас должна привести к согласию и дружному действию умственных и нравственных сил, когда здравые учения Фр. Листа будут оценены по достоинству нашими экономистами и печатью и когда она облегчит задачу самого правительства. Нужно же когда-нибудь и русскую нацию освободить из-под искусственно созданного гнетущего влияния известных органов печати, навязывающих ему китайский материализм или смутный космополитизм, и дать ей возможность основать свое экономическое благосостояние и независимость на национальной почве, на природе вещей,

на христианской нравственности, на уроках истории и действительных практических нуждах русского народа.

Из вышеизложенного явствует, что причины переживаемого нами ныне страшного голода и вообще периодически возникающих у нас кризисов, равно расстройство сельского хозяйства, этой силы и богатства России, заключаются в дряблости русского образованного общества, допускающего у себя систематическую пропаганду односторонних, ложных или превратных экономических и философских учений, порождающих смуту в умах и жизни. Это большое зло!

Пусть русское общество, отложив всякий стыд, почувствует свою обязанность обессилить дерзких безбожников и злонамеренных болтунов. Пусть оно пристыдит глубоко испорченный дух нашей публицистики, представители которой наживаются от общих бедствий, разжигая страсти. Пусть просвещенные представители этого общества возвратят нашей литературе веру, юность и благородные мечты... пусть они заставят наших экономистов понять, что настоящий момент народных бедствий обязывает их стоять на страже национальных, а не космополитических интересов.

Помилосердуйте! Одна треть России с населением в 32,5 млн человек объята голодом. Ужасное положение бедствующего населения станет понятным, когда принято будет в соображение, что губернии, постигнутые голодом, исключительно заняты земледелием, а фабрично-заводская промышленность, как подспорье в моменты недоборов хлебов, там существует в самых ничтожных размерах. Чем же кормиться в таком случае массе населения в неурожайные года за отсутствием местной обрабатывающей промышленности, которая только недавно могла быть двинута правительством на путь возрождения, при помощи пересмотра общего таможенного тарифа, — как не народными подаяниями? Отчего же только в таких земледельческих нациях, как Россия и Ост-Индия, проявляется подобное бедствие, а их не бывает ни в Соединенных Штатах Северной Америки, ни в других цивилизованных европейских земледельческих нациях, где действительно от неурожая бывают недоборы хлебов, но не голод?

Разрешение этого вопроса первой ныне государственной важности в России читатели найдут в «Национальной системе политической экономики» Фр. Листа.

К. В. Трубников
6 октября 1891 г.

Выпуская в свет «Национальную систему политической экономики» Фридриха Листа, смеем высказать надежду, что могущие встретиться в русском переводе этого сочинения неточности, или даже промахи и ошибки не будут поставлены нам в вину, так как мы наперед уверены, что не избежали этих ошибок, в особенности при трудности перевода, не имеющего вообще значения популярного сочинения, предназначенного для легкого чтения, а серьезного исследования, требующего внимательного изучения. Нам оставалось лишь иметь в виду одну цель — верную передачу подлинника по возможности ясным и более и менее точным языком науки, хотя эта цель составляет идеал каждого перевода подобного труда, которого даже экономисты по профессии, вследствие неустановившейся у нас в экономической науке однообразной терминологии, до сих пор не достигли.

Пользуемся случаем принести нашу живейшую благодарность г. В. М. Изергину, который облегчил наш труд первоначальным переводом настоящего сочинения Фр. Листа.

К. В. Трубников

Предисловие

Если предисловие книги, как говорят, должно заключать в себя ее начало или происхождение, то мне придется рассказать в нем почти половину моей жизни; потому что прошло более двадцати трех лет с тех пор, как у меня возникло первое сомнение в правдивости господствующей теории политической экономии, с тех пор как я посвятил себя исследованию ее заблуждений и их коренных причин. Достойно было бы сожаления в самом деле, если бы наконец оказалось, что я так долго гонялся за мечтой; так как вовсе не самоуверенность в своих силах и не излишне самолюбие побудили меня наметить себе столь возвышенную цель и упорно ее преследовать. Это было мое призвание, которое и подало первый повод; сама судьба настойчиво и с непреодолимой силой влекла меня по раз избранному пути к разъяснению сомнения и к исследованию.

Мои современники в Германии помнят, что тяжелый удар был нанесен благосостоянию страны в 1818 г. Я должен был тогда готовить курс политической экономии. Я изучил не хуже других все, что тогда думали и писали об этом предмете, но я не хотел ограничиться тем, чтобы ознакомить юношество с современным состоянием науки; я стремился научить его тому, каким образом национально-экономический путь должен способствовать благосостоянию культуры и могуществу Германии. Теория указывала на принцип свободы торговли. В самом деле, принцип этот представлялся мне разумным и испытанным, когда я обращался к рассмотрению результатов уничтожения провинциальных таможен во Франции и объединения трех государств Великобританских островов. Но изумительные результаты *континентальной системы* и гибельные последствия ее отмены были еще слишком свежи для того, чтобы возможно было дать себе в них ясный отчет, они являлись для меня разительным противоречием установившейся доктрине и, стремясь разъяснить себе это противоречие, я пришел к заключению, *что тогда только эта доктрина окажется истинной, когда в нации взаимно согласятся последовать принципу свободы торговли, как-то было сделано относительно указанных провинций.* Это привело меня к известному взгляду на природу национальности; мне казалось, что для теории существовали лишь человечество и индивидуумы, но не нации. Для меня было ясно, что для двух очень развитых наций свободная конкуренция только тогда может быть благодетельна, когда обе они стоят на одной и той же приблизительно ступени промышленного развития, и что нация, вследствие каких-либо неблагоприятных условий, далеко оставшаяся в промышленности, торговле и в деле мореходства, если только она обладает моральными и материальными средствами, потребными для собственного преуспеяния, должна направлять все свои

силы к тому, чтобы быть способной поддержать свободную конкуренцию с определившими ее народностями. Одним словом, я находил различие между экономией космополитической и экономией политической, а это привело меня к мысли, что Германия должна отменить провинциальные таможи, и при помощи общей международной торговой системы должна стремиться достигнуть той же системы промышленного и коммерческого развития, какой другие нации достигли посредством их собственной торговой политики. Но вместо того, чтобы настойчивым исследованием последовательно разъяснить свою идею, мой практический ум стремился провести его в жизнь — во мне сказывалась еще молодость.

Необходимость перенестись в период 1819 г., чтобы разъяснить мои последующие стремления. Правители и подданные, дворянство и мещанство, администраторы и ученые — все в то время в Германии носились с проектами и предложениями новой политической системы. Германия походила на разоренное войной имение, прежние владельцы которого восстановили свои права и, вступив в качестве хозяев в управление своим имуществом, собрались снова заняться своим хозяйством. Одни домогались восстановления прежнего обычного порядка со всем его старым инвентарем и хламом, другие — разумных нововведений и совершенно новых орудий производства. Люди, привыкшие полагаться на здравый смысл и опыт, желали согласовать старые принципы с потребностями нового времени. Повсюду господствовало противоречие и слышались споры между различными мнениями, всюду организовывались союзы и общества, ставившие своей задачей патриотические цели. Самое федеральное устройство было новой, поспешно созданной формой, и эта форма даже просвещенным и мыслящим дипломатическим деятелям представлялась лишь зародышем, развития которого в хорошо организованное тело желали сами виновники нового устройства, но предоставляли это развитие течению времени.

Один пункт (девятнадцатый) очевидно давал место установлению *национальной торговой системы*. Этот пункт представлялся для меня фундаментом, на котором должно было создаваться будущее промышленное и коммерческое значение моего отечества, и это убеждение дало мне идею об основании союза немецких коммерсантов и фабрикантов¹, который

¹ В прежнем издании «Энциклопедического Словаря» («Conversations-Lexion») основателем такого союза назван И. М. Эльх из Кауфбейрена, мне же не только отведено лишь второстепенное место при его организации и в дальнейшей его разработке, но даже делается упрек в том, будто я отнесся с большой небрежностью к развитию этого дела. Когда я, возвратившись на родину, навел справки об авторе указанной статьи, мне назвали имя, которое разъяснило для меня все; оно принадлежало человеку, который был очень многим обязан г. И. М. Эльху и роль которого в этом деле приобрела тем большее значение, чем сильнее было бы уменьшено мое влияние. Не считая это особенным ударом своему самолюбию, я не находил тогда нужным возражать

поставил бы себе целью отмены провинциальных таможен и осуществление общей германской торговой системы. Как организовался этот союз и какое влияние оказал он на состоявшееся соглашение между просвещенными и великодушными правителями Баварии и Вюртемберга, а затем и на германский таможенный союз, — хорошо известно.

против сообщенных сведений. Но теперь я поставлен в необходимость разъяснить этот вопрос перед публикой. Известно, что недавно юридический факультет Йенского университета удостоил меня звания доктора, и Йенский корреспондент «Аугсбургской всеобщей газеты» («Allgemeine Zeitung von Augsburg») по этому поводу заметил, что мной первым была выражена идея об объединении государств Германского союза с целью устройства общегерманской таможенной системы. Теперь же в названной газете появляется следующего рода заметка:

«Сообщение корреспондента из Йены от 1 декабря 1840 г. во “Всеобщей газете” № 344 о том, что г. Фридрих Лист первый подал мысль о свободной торговле внутренней и против заграничной требует поправки, так как честь первенства в этом случае принадлежит крупному коммерсанту И. М. Эльху из Кауфбейрена, который во время пасхальной ярмарки во Франкфурте в 1819 г. обратился с циркуляром к большинству негониантов всех германских государств, предлагая подписать с этой целью петицию в высший совет членов союза. Случайно, спустя несколько дней, прибыл во Франкфурт из Тюбингена профессор Лист и, увлеченный этой идеей, принял на себя труд составления самой петиции, что и было им исполнено с замечательным искусством знатока дела и сделало известным его имя. Когда союз осуществился, профессор Лист был избран его представителем и в сопровождении теперь умершего уже г. Шнелля из Нюрнберга совершил путешествие, чтобы исходатайствовать при дворах германских государств одобрения высказанным в петиции союза желаниям».

Для меня достаточно в нескольких словах изложить историю возникновения означенного союза, чтобы показать настоящую силу притязаний г. Эльха или его делатурного защитника. Что весной 1819 г. я приехал во Франкфурт-на-Майне по делу совершенно частному — это справедливо, тем не менее также верно и то, что мысль о подобном союзе зародилась у меня уже давно, еще прежде нежели я вздумал предпринять это путешествие. Еще живы те лица, с которыми я говорил об этом как до поездки во Франкфурт, так и во время ее, и в числе писем покойного барона Котты можно указать письменные тому доказательства. Приехав во Франкфурт я сообщил свой план г. Шнеллю из Нюрнберга, которого я знал как коммерсанта образованного и патриота. Шнелль с жаром ухватился за него, указал мне на Бауерейса в Нюрнберге, Вебера в Гере, Арнольди в Готе, которые ему высказывали свои сетования на новые прусские таможенные тарифы, и высказал мысль, что дело это найдет среди негониантов и фабрикантов, собравшихся на ярмарку во Франкфурте, полное сочувствие тем более, что г. Эльх из Кауфбейрена, ведущий торговлю полотном, высказывает готовность собрать ко дню собрания Германского совета подписи для петиции с ходатайством о принятии мер к ограничению стеснений внутренней торговли в Германии. По моему желанию Шнелль познакомил меня с г. Эльхом, который и сообщил мне свой план петиции или скорее материалы для нее, которые, если не ошибаюсь, еще и теперь сохранились в моих бумагах. Речь здесь шла о стеснениях, незадолго перед тем появившихся в Австрии относительно вывоза льна из верхней Швабии в Италию, — все это изложено просто, в конторском стиле. По взаимному нашему соглашению мы привлекли на наши совещания еще других фабрикантов, а именно гг. Лейслера и Блахиэра из Ганау, Гартманна из Гейденгейма, Геррозе из Аурау и т.д. Но об основании торгового союза и речи еще не было. Только когда петиция была уже редактирована и проект ее был восторженно

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru